

© 1999 г.

А.А. ИСАЕВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

ИСАЕВ Андрей Алексеевич (1851-1924) - видный русский экономист, статистик и социолог.

[...] В основании переселений лежат очень важные причины: отдельные лица легко и охотно расстаются с насиженными местами, а масса уступает только необходимости. Изучая переселенческое движение во многих странах в разные эпохи, мы можем наметить несколько главных причин, побуждающих людей навсегда покидать родину.

1) Важной причиной является *религиозное одушевление*. Непоколебимая стойкость в вере побуждает людей предпочесть разлуку с родиной отступлению хотя бы от малейшей буквы религиозного толка, от незначительного обряда. Гонение со стороны господствующей религии и заставляет массы людей навсегда удаляться за пределы отечества. [...]

2) Второй выдающейся причиной служит *недовольство общественным порядком* на родине. Отдельные лица и даже более или менее многочисленные группы носят в себе идеалы, резко отличные от господствующего строя. Они не могут изменить его путем убеждения; они слишком слабы силами, чтобы его ниспровергнуть. И вот они покидают родину, дабы на новом месте осуществить заветные мечты. Политическим недовольством можно объяснить основание многих греческих колоний по берегам Малой Азии, на островах Эгейского моря и в Италии. [...]

3) В эту же группу следует отнести и условия, содействующие основанию колоний через *переселение преступников*. Можно говорить и об этих переселенцах как о людях, недовольных общественными порядками. Первые удаляются добровольно; вторых изгоняет правительственная власть. Это средство издавна применяется правительствами не только для того, чтобы наказать, но и с целью положить начало гражданственности в землях, незанятых или редко населенных. Уже при Александре Македонском были колонии ссыльных из мятежных солдат. Шведы в XVII веке пользовались для этой цели провинцией Ингерманландией. Англичане отправляли ссыльных в Северную Америку, а позднее - в Австралию, Франция - в Гвиану, Португалия - в Бразилию, а позднее на Мозамбик. Всем известно, какое значение уже исстари имеет Сибирь для этой цели.

4) Но все поименованные причины заслоняются *экономическими условиями*. Только под влиянием этих условий огромные массы людей покидают родину. Чем более приближаемся мы к современной эпохе, тем слабее действуют три уже названные причины. [...]

Фрагменты с литературными исправлениями из работы: *Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве*. СПб., 1891. Подготовил к печати ЛИ. Кравченко.

*Экономические же причины с каждым поколением действуют все более могущественно. [...] Оказывая же влияние на труд, экономические условия заставляют людей выселяться большими массами. Это состояние принято называть *чрезмерную населенность*. Каково бы ни было числовое выражение чрезмерной населенности, оно обнаруживается обыкновенно тем характеристичным признаком, что в данной местности многие не могут приложить свои рабочие руки на обычных, средне выгодных условиях. [...]*

Сибирь, а также восточные и южные окраины Европейской России получили для нашего отечества важное значение только в настоящем веке или, еще точнее, только после освобождения крестьян. До отмены крепостного права передвижения вызывались особенно часто теми преследованиями, которые выпадали на долю крестьян: тяжелые подати, бремя крепостничества, бродяжничество, раскол и сектанство - вот причины, которые гнали русских людей за Волгу и Урал. [...] По данным переселенческой конторы в Батраках, за пятилетие, с 1881 по 1885 год, через Волгу, по направлению к восточным окраинам Европейской России, прошло до 53.000 душ. Через Тюмень прошло: в 1886 г. - 21.862, 1887 - 13.910, 1888 - 26.129, 1889 - 28.341. За 1889 год через Оренбург прошло 8.254 души. [...] Если принять в расчет тех: 1) которые проходят в Сибирь мимо главных трактов и ускользают от регистрации (г. Архипов определяет их для 1889 года цифрой с лишком в 4.000), 2) тех, которые выселяются на Кавказ, и 3) перевозятся морем в Южно-Уссурийский край, то получим общее число переселенцев из Европейской России около 50.000 душ. Главную массу переселенцев дают великорусские черноземные губернии: почти из 53.000 душ [...].

Поездка в Сибирь дала мне случай видеть многие тысячи переселенцев и частью проверить наблюдения, сделанные другими исследователями, частью подметить такие особенности в переселенческом движении, которые еще не обращали на себя внимания. Расспросы многих сотен людей помогли мне нарисовать, как более или менее цельную картину препятствий, с которыми связано для переселенцев оставление родины, так и перипетии, которые выпадают на их долю до окончательного водворения в Сибири. Прежде всего возникает вопрос о том, что переселяется, богатые ли крестьяне, средне ли достаточные или вовсе неимущие? В Рязанской губернии было сделано наблюдение, что чаще переселяются бывшие государственные крестьяне, нежели бывшие помещичьи; так как первые пользуются большим достатком, нежели вторые, то это наблюдение заставляет иногда делать вывод, что переселенцы состоят преимущественно из людей зажиточных, которые могли бы и на родине изменить к лучшему свой хозяйственный быт. Подобное предположение совершенно опровергнуто регистрацией переселенцев, которая за последние годы производилась томским чиновником по переселенческим делам. Она показывает, что только очень немногие семьи по приходе в Томск имеют при себе 100 рублей и более. [...] Подобное же наблюдение удалось сделать и мне на пароходе между Тюменью и Томском. Всего ехало 67 семей из 390 душ. Из них только 12 семей имели при себе, по их показаниям, 100 рублей и более, а 32 семьи везли по 10-5-3 рубля. На болоте, окружающем переселенческие бараки в Томске, я имел случай наблюдать все ступени в развитии нужды. Из 300 семейств, которые часто скопляются здесь в ожидании дня, когда можно будет двинуться в путь, насчиташь 30-40 с признаками достатка. Они покупают по 2-3 лошади ценою в 30-40 р., исправные телеги, ремennую сбрую, с десятков новых циновок для упаковки и имеют довольно большой багаж. Нередко я спрашивал таких переселенцев, сколько денег они везут с собой, и получал ответ, что они имеют 300-400 р., иногда 1000 р. и более. Уже эти ответы дают основание предполагать, что переселенцы не скрывают истинного положения дел и только в исключительных случаях, имея деньги, прикидываются бедняками. За этой группой следует вторая, несколько более многочисленная. Эти семьи также купили лошадей и повозки, но все гораздо худшего качества: каждая лошадь стоит 12-20 р., багажа настолько меньше, что в повозку свободно могут быть усажены не только дети, но и бабы. Ко второй группе

примыкает третья, образующая, быть может, 15-20% и также имеющая лошадей. Но у этих лошади и повозки - уже не говоря об их убогом виде - куплены или при помощи полученного пособия, которым уплачена часть цены, или с доплатою 3-5 р. вырученных от продажи полушубка, исправного зипуна, каких-нибудь 2-3 концов холста, взятых из дома, и сапог. Если даже последнюю группу отнести к переселенцам *не нуждающимся*, то получим никак не более, а, вероятно, даже менее 50%. Но крайние ступени нужды отстоят от нас еще далеко.

Проходя по таборам, вы видите многие сотни людей с озабоченными лицами: они ведут между собою оживленную беседу: до вашего уха доносятся расчеты того, в какую цену можно "вогнуть" лошадь и повозку. Ближе присматриваясь к этим группам, вы узнаете, что они исчерпали все средства и все-таки семье не достает 5—7 рублей, чтобы купить самую слабосильную лошаденку и плохенькую телегу. Много переселенцев насчитывает в своих рядах следующая группа: ее члены продали и заложили все, что можно было продать и заложить, за душой не осталось ни полушки денег и ни фунта хлеба. Но члены этой группы все же не последние бедняки: они получили от чиновника "по 5 руб. на семью", из которых будут понемногу расходовать на харчи, а тем временем "авось" подвернется какая-нибудь работа, которая позволит им сколотить десяток-полтора рублей и хотя бы на наемных подводах добраться до места водворения. Наконец, мы доходим до беднейших. Изнуренные лица, приниженность, покорность судьбе, лохмотья, босые ноги, прошение милостыни почти шепотом - вот отличительные признаки беднейших переселенцев. Эти не имеют уже положительно никаких ресурсов: рубище, которое прикрывает их наготу и не защищает от прохлады даже летней ночи - вот вся их одежда; пособие, которое могло быть им выдано, уже получено и истрчено на хлеб; не подвергается никакой, даже самой грубой работы; остается кое-как питаться подаванием да получать небольшую поддержку от товарищей, почти столь же бедных, как и они сами. И эта последняя группа считает в своих рядах добрых 25%.

Но вопрос будет поставлен правильно только тогда, когда мы сгруппируем по степени зажиточности не переселившихся и даже не тех, которые только двинулись с места, а всех тех, которые ходатайствуют о разрешении переселиться и, вообще, принимают меры для выселения. Так как администрация, особенно после издания закона 13 июля 1889 г. неблагоприятно смотрит на беднейших крестьян, которые оставляют родину, и многим не разрешает выселяться, то легко можно встретить партию, в которой значительный процент составляют зажиточные крестьяне. Если же принять в расчет причины, которые в огромном большинстве случаев побуждают выселяться, то окажется, что достаточные крестьяне или совсем не имеют таких побуждений или имеют их только в весьма слабой степени. [...]

Когда вы спрашиваете об условиях, заставивших этих людей покинуть родину, они на разные лады передают вам одно и то же: земли мало, или же, если ее и довольно, она стала так бесплодна, что уже давно не вознаграждает труда и затрат. Сплошь и рядом слышишь, что такие неблагоприятные условия стали обнаруживаться уже много лет тому назад, что уже лет 10-15 тому назад крестьяне "поднимались" в Томскую губернию, на Амур, "к башкирам", но отлагали свое решение до последней крайности. Малоземелье и неравное распределение земли между общинниками нередко вызвали крупные недоразумения между крестьянами и даже кровавые схватки. На пароходе я встретил 30 семей переселенцев из селения Белой, Курской губернии, Суджанского у., ехавших в Бийский округ на кабинетские земли. Селение Белая имеет более 600 дворов: неравномерность распределения земли стала обнаруживаться там уже очень давно. Передел был произведен в 1884 году. Перед ним образовалась очень сильная партия из дворов, которые имели относительно много земли и противились переделу. Их противодействие было так упорно, что они были готовы прибегнуть к силе, и нередко появлялись на сходках с ножами и кинжалами. Однако сторонники передела взяли верх. Равномерность пользования землею была восстановлена, но на наличную душу мужского пола пришлось только по 1,5 десятины земли и никаких выгонов и

сенокосов; 1/3 дворов вовсе не имела скота: некуда было выпустить даже теленка. Арендные же цены земли в ближайшем соседстве колеблются между 20-30 рублями на один посев. [...]

Много ли препятствий нужно было преодолеть этому люду, чтобы оставить родное пепелище? Когда я задавал подобный вопрос вятчанам или пермичам, они смотрели на меня с недоумением и почти всегда отвечали одной и той же фразой: "известно трудно, когда денег нет"; "коли с пустыми руками идешь, так скоро мозоли натрешь". Соображения о том, трудно ли выселиться, сводились только к одному расчету: есть ли деньги, которыми нужно заплатить за переезд, и будет ли остаток, чтобы положить начало новому хозяйству. Когда я расспрашивал этих людей об условиях, с которыми был связан их выход из дома, они подробно объясняли, что на родине они никому не нужны и решительно некому удерживать их. [...]

Совсем иное пришлось мне услышать от крестьян черноземных губерний. Там выселение представляется таким общественным фактом, который затрагивает интересы многих людей. Сельское общество вообще искренно радуется выселению некоторых из своих членов и сопровождает их самыми добрыми пожеланиями. [...] Отпустив несколько домохозяев и приняв на себя их платежи, сельское общество получает в оставленной выселяющимися земле не только полное прикрытие этих платежей, но и значительный избыток. [...] Но каждая выселяющаяся семья связана многочисленными, или действительными, или возможными нитями с местным частновладельческим хозяйством. И такие нити связывают с последним не только беднейших крестьян, но и зажиточных. Бедные служат для средних и крупных хозяйств рабочей силою и арендаторами земель; богатые же служат исключительно арендаторами земли. Землевладелец и рассуждает, что выселение и беднейших, и зажиточных имеет тенденцию нарушать его интересы, уменьшать число сельских рабочих и арендаторов, а через это повышать заработную и понижать арендную плату. [...]

Я старательно припоминаю все наблюдаемые мною случаи, чтобы не показывать только лицевой стороны медали. Огромное большинство руководствуется расчетом, объективно далеко не всегда правильным, но в данное время вполне ясным и определенным. Руководством служили письма родных и знакомых, которые сообщали подробные сведения о месте своей новой оседлости и приглашали земляков переселиться. Мне пришлось просмотреть с десятков подобных писем. Ходоки служат вторым средством для предварительного ознакомления с Сибирью. [...]

Во время пути я имел случай заметить авторитет, который приобретают в глазах переселенцев опытные ходоки, успевшие с честью выполнить возложенное на них поручение. Ходоками сельское общество обыкновенно избирает самых надежных людей, разумных, честных и трезвых. Большею частью это люди средних лет от 35 до 50: но иногда выбирают людей моложе, особенно из солдат, если они довольно хорошо грамотны. Надо вдуматься в смысл даваемого поручения, чтобы понять, какая важная обязанность возлагается на ходока и какие кровные интересы крестьянина зависят от того, насколько внимательно, умело и добросовестно отнесется ходонок к своему делу. Если он, побывав в Сибири, принесет известие, что новый край представляет мало привлекательного, то крестьяне остаются дома, дабы и вновь на неопределенное время довольствоваться крошечными наделами, которые позволяют держать только одну голову скота. Если он принесет известие, что новые места обещают с избытком вознаграждать труд земледельца, то крестьяне бесповоротно решаются покончить все счеты со старым, продать свои дома, скот, остальное имущество и предпринять дальний путь, который поглотит у большинства все вырученные деньги. Понятно, что, раз доверив ходоку свои важнейшие интересы, крестьяне относительно его не оставляют сомнению уже никакого места. И ходонок, возвратившись домой, вовсе не обязан представить пространный доклад о том, где он был и что видел: подробная реляция может быть заменена очень немногими словами. Стоит ходоку сказать: "Вот, побывав на новом месте, иду туда, забираю свое семейство", - стоит сказать это, и за ним готовы двинуться все его односельчане. (...)

Прошедши участок, он быстро и безошибочно определит, довольно ли на нем воды, если ли строевой и дровяной лес, какова почва и т.п. Но, сверх того, ходок может ответить на такой вопрос, который никогда не получит ответа со стороны межевых чинов, даже при наилучшем развитии межевой части в Сибири: ходок в состоянии сказать, насколько данный участок соответствует условиям жизни переселенцев на родине и не будет ли слишком резок переход их со старого пепелища на новую оседлость. Ходок решит это на основании многочисленных и часто мельчайших признаков, неуловимых для самого лучшего теоретика, но близко известных крестьянину из опыта, накопленного в течение многих поколений. [...]

Если партия едет из Тюмени на лошадях, то расходы определяются ценою съестных припасов, которые потребит семья. Если же она едет на пароходе, то к этому присоединяется и плата за билеты. Примем Томск за конечный пункт движения [...] и признаем средней такую семью, в которой 3 взрослых и 3 малолетних. Так как плата за билет на пароход составляет в среднем только 4 рубля (от 3,5 до 5 руб.), то весь расход семьи на проезд из Курской и Тамбовской губерний, откуда и идет наибольшее число переселенцев, определится в $(15+4) \times 3 = 57$ руб. Вторую статью расхода служит плата за багаж. Она составляет от Курска до Нижнего Новгорода по железной дороге около 2 руб. с пуда [...]. Третью статью образует расход на харчи [...], нужны 13,5 руб. на продовольствие 6-душной семьи. Вся же стоимость переезда, если не встретилось каких-либо неблагоприятных условий, определится суммою до 80 рублей. [...]. Большинство имеет самые скудные средства; каждый лишний день, проведенный в Тюмени, причиняет чувствительные расходы [...].

На крытую палубу, особенно в ненастную погоду, втискивается столько людей, что приходится лежать почти вповалку. [...] Иногда ночью я заглядывал в помещение 3 класса: руки, головы, ноги, сапоги, валенки, полушубки, мешки с одеждой и сухарями - все это представляло одну бесформенную массу; тут же стонало несколько больших детей, из которых один был в натуральной оспе. Воздух был невыносимо испорчен, так что свежего человека решительно валило с ног. Но на пароходах переселенцы помещаются еще очень хорошо сравнительно с теми, которых перевозят на баржах. На баржах проветривание так неудовлетворительно, что если бы даже каждый переселенец имел достаточно места, то за 12-дневный путь не может не обнаружиться сильная болезненность и смертность. Почти с каждого парохода и с каждой баржи на пристанях, ближайших к Томску, оставляют несколько гробов, а десятки детей с оспой, дифтеритом, воспалением легких приезжают в Томск только для того, чтобы на томском кладбище прибавить несколько свежих могил. [...] Как ни кажется странным, многие переселенцы находят для себя выгодным не только передвигаться на лошадях в места, отдаленные от Тюмени немногими сотнями верст, но даже идти таким образом в ближайшие к Томску волости Алтайского округа, проходить 1500 верст, оставаться в пути 1,5 месяца, тогда как пароход доставляет их в 10-12 дней. Чем беднее переселенец, тем чаще предпочитает он этот путь. Состоятельный, заплатив пароходчику за себя и семью 20-30 р., имеет деньги, чтобы, по прибытии в Томск, купить лошадь и другие необходимые принадлежности хозяйства. Бедняк рассуждает совсем иначе: раз он заплатил за билет на пароход последние 20-30 р., у него не остается уже никаких средств и, по приходе на место, он вынужден поступить в батраки, хотя бы на самых тягостных условиях. Поэтому он находит предпочтительным купить лошадь с повозкой, усадить жену и детей, самому идти рядом с ними и таким образом достигнуть Барнаульского или Бийского округа. Вместо 2 недель его путь продолжается 6 недель; сухари, взятые из дому, истощатся; но он не теряет надежды прокормить себя Христовым именем, а лошадь служит ему, при водворении, некоторой точкой опоры. [...]

Переселенцы оставляют родину с самыми незначительными средствами. Регистрация, ведомая в Тюмени и Томске чиновниками по переселенческим делам, показывает, что, быть может, только 10% всей передвигающейся массы обладают достаточными деньгами для устроения нового хозяйства; каждый год насчитывается лишь

несколько десятков зажиточных семей. Многие же тысячи не могут на свои средства достигнуть места водворения. На что же рассчитывает это большинство? Многие из неимущего большинства не руководствуются каким-либо правильным расчетом: они думают, что "авось" найдется работа; "авось" перепадет что-нибудь от благотворителей. Иные не делают даже и таких предположений: на родине жить неумоготу, и вот бедные мужики смело переселяются в Сибирь с уверенностью, что на новом месте не будет хуже, а, вероятно, будет лучше. Но бывают случаи, когда переселенцы в своей же партии имеют источник денежных средств, необходимых для того, чтобы сделать в Сибири, по крайней мере, первые шаги. Иногда таким источником служит какой-нибудь добросердечный богатый переселенец. [...]. Случается так, что богатый крестьянин-ростовщик, увлеченный общим потоком, распродает за бесценок свое имущество и, под влиянием соблазнительных рассказов о Сибири, надеется там еще привольнее устроить свой хозяйственный быт. Но бывает и так, что ростовщик входит в состав партии переселенцев с предвзятою мыслью навсегда иметь вокруг себя бессменных работников; в Сибири, думает он, должник не менее зависит от своего кредитора, чем в Европейской России. Каков бы ни был путь, приведший ростовщика в партию переселенцев, результат всегда один и тот же: даже самые бедные переселенцы, имея около себя такого благодетеля, получают возможность остаться в Сибири и не умереть с голода, но зато впадают в состояние, вполне подобное крепостничеству. Во время пути ростовщик почти никогда не открывает им кредита: в нем нет уверенности, что они дойдут до места водворения, не будут возвращены администрацией с дороги на родину и что не пропадет сумма, данная в долг. [...]. Бедный переселенец занимает у ростовщика 15-20 рублей, покупает лошадь и тотчас же попадает в кабалу; на сколько лет развёрстывается ссуда, какими долями и в какие сроки она взносится, это все равно: проценты всегда оплачиваются трудом: должники косят, пашут, молотят на своего кредитора, помогают ему в корчевании леса, постройке избы и т.п. Иногда определенное число рабочих дней доставляется заемщиками безвозмездно в виде процента; в других случаях рабочие дни оплачиваются по цене, гораздо более низкой, нежели средняя заработная плата в данной местности. [...]

Часто высказывают мнение, что все обратные переселенцы должны быть относимы к неудачникам, что только невозможность устроиться в Сибири заставляет крестьян бросить землю, для возделывания которой уже были сделаны первые шаги, и возвращаться на родину, которая была злом мачехой для выселенцев. Это явление может быть вполне правильно понято только в том случае, если мы из всех переселенцев, возвращающихся на родину, выделим группу людей зажиточных, которым хорошо жилось в России и которые, пробыв в Сибири год-другой, поняли, что богатый мужик может гораздо лучше устроиться в Европейской России. Нет данных для решения, как велико число именно этих переселенцев. Однако записи, ведомые о переселенцах, позволяют думать, что число это довольно велико. В Томске зарегистрировано в течение почти 4 лет (1887, 1888, 1889 гг. и до 1 сентября 1890 года) 296 семей обратных переселенцев, из них 170 семей возвратились потому, что не могли устроиться на новом месте. Остальные 126 семей пошли назад потому, что между ними и старожилами обнаружилась "бытовая и религиозная рознь" (13 семей), или потому, что наступили разные "случайные причины" (45), или вследствие "неурожаев и непривычного климата". В трех последних группах найдутся и люди с известным достатком; много ли их, мы не знаем, но, вероятно, их можно было бы насчитать несколько десятков. [...]

Но огромное большинство обратных переселенцев принадлежит, действительно, к беднейшим крестьянам или к неудачникам. Не нужно смешивать эти группы. К первой относятся те, которые пришли в Сибирь с пустыми руками и с самого выхода из дома носили в себе залог своей будущей необеспеченности. Ко второй группе принадлежат те, которые имели средства, иногда даже порядочные, но испытали целый ряд ударов судьбы и были вынуждены двинуться на старое пепелище. Скучные данные об обрат-

ных переселенцах не позволяют ответить на вопрос, как велико число членов той и другой группы. Конечно, первые гораздо более многочисленны, но найдутся и вторые. Мы полагаем, что вторых, переселенцев-неудачников нужно искать, главным образом, среди тех, которые прожили на новом месте довольно долго. Из всех обратных переселенцев за 1889-90 гг. 212 семей пробыли в Сибири менее 1 года, а 84 семьи более долгий срок от 1 года до 5 лет и более. Кто мог продержаться 3, даже 2 года, тот имел кое-какие средства и должен быть отнесен ко второй группе. [...] Остальные же 3 семьи принесли с собой в Алтайский округ по 70-100 руб. - деньги небольшие, но достаточные, как точка опоры, при обзаведении. Из этих трех семей одна прожила в Алтайском округе 3 года и понесла большие урожаи; другую, кроме урожаев, сильно подрезал падеж 2 лошадей; а третья семья расстроилась: умер взрослый сын и главный работник в семье, а отец стал сильно прихварывать. Неблагоприятные условия, заставляющие возвращаться на родину, проявляются в самых разнообразных комбинациях. Но каковы бы ни были комбинации из урожаев, пожара, падежа или кражи лошадей, смерти или тяжелой болезни главных работников в семье, обратные переселенцы являются сельским пролетариатом в полном смысле этого слова.

Из того факта, что каждый год приносит довольно большое число обратных переселенцев, многие склонны делать заключение, неблагоприятное для переселений вообще, и чуть ли не требовать во имя этого их окончательного запрещения. Цифры показывают, однако, что такое пессимистическое направление вовсе не оправдывается действительностью. За 1887-89 гг. и за первые 8 месяцев 1890 года в Томской губернии водворилось 47976 душ [...]. За тот же срок общее число обратных переселенцев было 1730 душ. По отношению к водворившимся в Томской губернии обратные составляют только 3,6%. [...]

При обсуждении переселенческого вопроса, противники передвижений крестьян на восток нередко выдвигают аргумент, что выселения особенно нежелательны у нас в России, стране малонаселенной, что только значительная густота населения обеспечивает народу и рост благосостояния, и поднятие духовной культуры. [...]. Нашему слуху с раннего детства становится привычным положение, что материальные и духовные успехи возможны только при значительной густоте населения. Каждый учебник политической экономии знакомит нас с теми мерами, которыми в прежние времена правители разных стран поощряли размножение людей. С тем вместе каждый учебник напоминает, что чрезмерная населенность ведет к развитию пауперизма и делает эмиграцию необходимой. Возникает, таким образом, вопрос, какая наименьшая плотность населения необходима для развития гражданственности и где предел, дальше которого возрастание населенности уже связано с крупными невыгодами для народной жизни? Изучение современного состояния европейских народов обнаруживает тщетность попытки ответить на поставленные вопросы какими-либо точными числами. Оно убеждает, что страны, населенность которых относится как 20 : 1, могут и пользоваться благосостоянием, и стоять на высоком уровне духовного развития. Бельгия имеет население в 200 чел. на 1 кв. километр, Англия с Уэльсом - " 173, Ломбардия - 169, Дания - 55, Швеция - 11, Норвегия - 6. Если можно согласиться, что Бельгия или Англия превосходят богатством и духовной культурой скандинавские государства, если даже допустить, что они значительно превосходят их в этом отношении, то будет совершенно нелепым предположение, что они превосходят Швецию или Норвегию в 10-20-30 раз, т.е. хотя бы приблизительно в той пропорции, в какой они превосходят их населенностью. За пределами Европы, в странах самой высокой культуры, которые смело соперничают со старой цивилизацией и даже превосходят ее, мы находим весьма незначительную населенность: в Соединенных Штатах она составляет только 5,5 чел. на 1 кв. километр; если откинуть почти пустынные Аляску, территории индейцев и отдаленного Запада, и тогда населенность не превысит 9,4 чел. на 1 кв. километр. [...]

Не будучи в состоянии определить хотя бы приблизительно цифрами ту низшую

плотность населения, которая необходима для общественного прогресса, мы не можем указать и высший предел нормальной населенности. В графстве Мидльсекс на 1 кв. километр приходится 4000 чел.: в департаменте Сены на такой же площади живет даже более 30000 чел. Если крайний предел возможной нормальной населенности далеко не достигнут еще ни одной страной, то и стремление выселиться из родины не стоит в какой-либо прямой связи с плотностью населения. [...] Имея перед собой эти факты, мы можем и легче уяснить необходимость переселения для крестьян многих местностей нашего отечества и понять, что слабая населенность Сибири нисколько не мешает в ней ни возрастанию народного богатства, ни изменению к лучшему других условий культуры.

Мы показали, что абсолютно редкое население вовсе не исключает необходимости эмигрировать. Шведы и норвежцы довольно большими массами оставляют свою родину, передвигаются в Америку, страну иного языка, иных нравов и обычаев, передвигаются, конечно, не из прихоти, а потому, что не могут создать для себя в отечестве удовлетворительных условий жизни. Если даже скандинавы, усвоившие и в земледелии, и в обрабатывающей промышленности довольно совершенные приемы труда и поднявшие его производительность, чувствуют потребность выселиться, то тем более понятна такая потребность в Европейской России; где население гораздо более густо, а техника - гораздо менее совершенна. Плотность населения в 50 губерниях Европейской России составляет 20 чел на 1 кв. километр. Оставляя в стороне эту общую цифру и ограничиваясь губерниями, которые высылают наибольшее число переселенцев, мы получим гораздо большую плотность. В Орловской и Рязанской губерниях на 1 кв. километр живет уже 50 чел., в Тульской - 52, в Курской до 60, в Полтавской - 61, в Киевской даже 65. Словом, в губерниях, откуда направляются главные потоки переселенцев, населенность в 4-6 раз выше, чем в Швеции, и в 8-10 раз больше, чем в Норвегии. Но пойдем дальше. Наклонность выселиться проявляется, главным образом, среди крестьян, которые владеют малым наделом. Чтобы определить плотность населения в местности, занимаемой данной группой, нужно принимать в расчет только ту площадь, на которой сидит данное сельское общество. Только на этой земле, уже по ее близости от усадьбы, оно может прилагать настолько рациональную культуру, насколько она известна русскому поселянину. Земли соседних владельцев, сдаваемые крестьянам в аренду, обрабатываются, как известно, способом самым первобытным, никогда не видя удобрения. Как же велика плотность населения на крестьянских наделных землях? В любой общине, где, по выкупному договору, заключенному 25 лет тому назад, приходилось по 3 десятины на 1 ревизскую душу, теперь приходится не более 2 десятины на 1 душу мужского пола или не более 1 десятины на одного жителя вообще. А это составляет уже 100 душ на 1 кв. километр, - населенность, почти в 1,5 раза большая, чем во Франции. Но плотность населения достигает огромных размеров на землях тех общин, которые получили надел сиротский или низшей нормы: там мы найдем на 1 кв. километр 300-400 душ. т.е. в 1-2 раза больше, нежели в Бельгии, которая исстари справедливо гордится своей высокой земледельческой культурой.

Итак, мы считаем доказанным, что во многих местностях России густота населения и несовершенство техники делают эмиграцию необходимой. Постараясь же выяснить, насколько значителен может быть материальный и духовный прогресс при том редком населении, которое имеет теперь Сибирь, главное поле для нашей колонизации в настоящем и будущем. Населенность сибирских губерний крайне незначительна: на 1 кв. версту приходится от 0,06 в Приморской области и до 1,6 в Томской губернии. Однако население Тобольской, Томской губерний и даже Забайкальской области значительно гуще, нежели западных территорий Соединенных Штатов. В Северной Америке три штата - Колорадо, Орегон и Невада - имеют по 0,7-0,3 жителя на 1 кв. километр. А все 9 территорий имеют в среднем на 1 кв. километр только 0,4; Аризона же и Монтана - даже 0,1-1,2, т.е. плотность населения в 5-8 раз меньше, нежели в каждой из трех названных сибирских губерний. А в некоторых округах Тоболь-

ской губернии [...] населенность достигает уже 5-6-11 душ на 1 кв. километр, чего не имеет ни одна из территорий Соединенных Штатов.

При столь редком населении успехи культуры вполне возможны, если новоселы оседают довольно значительными деревнями, в довольно большой группе уже возможно далеко идущее разделение труда. При таком поселении, ближайшие к усадебной оседлости земли могут быть полем для развития более или менее интенсивного хозяйства, а отдаленные леса, выгоны должны служить тем даровым, доступным фондом, который будет выручать в черный день и удовлетворять нужды нарождающихся поколений. Все это побуждает нас заключить, что редкость населения сама по себе не будет, не может быть преградой для культурных успехов русского востока.

[...1 Наши ничтожные урожаи, периодические голодовки стоят в неразрывной связи с нашим допотопным трехпольем, нашим малосильным скотом, нашими сохами, боровами, неизменной рожью или гречихой, с отсутствием искусственных удобрений. Если средством от бед, вытекающих из нашей обветшалой земледельческой культуры, будет служить только оставление старых земель и передвижение в пустыни Сибири или Средней Азии, то России в течение еще длинного ряда поколений будут чужды успехи сельского хозяйства, которые стали совершаться в Западной Европе (особенно Англии, Бельгии, Ломбардии, южной Германии) уже несколько столетий тому назад. Плохо родит земля - бросил ее, ушел за тысячи верст, сел на новом месте, занес туда ветхозаветные приемы сельского хозяйства и собираешь с их помощью удовлетворительную, а иногда и превосходную жатву. Может ли при таких условиях быть речь о каких-либо успехах земледельческой техники? [...]. История хозяйственного быта многих стран Западной Европы убеждает нас, что переселения ни на одну минуту не задерживали развития земледельческой техники. В течение 68 лет (1820-88) из Западной Европы выселилось около 22 миллионов душ: из этой массы на одну Германию падает до 5.5 миллионов, на Великобританию с Ирландией - более 10 миллионов. Невзирая на такие огромные размеры выселений, эти страны представляют нам в течение последних десятилетий картину огромных успехов земледелия. [...].

Обратимся к доказательствам третьего разряда. Посмотрим, из кого состоит масса русских переселенцев и могут ли главные участники этого движения способствовать успехам земледелия на споем старом пепелище? По отчету г. Чарушина о переселениях в Сибирь в течение 1888 года, оказывается, что из 2825 семей, о которых были собраны подробные сведения. 1250 семейств, т.е. более 44%, имели при себе, по прибытии в Томск, не более 10 р. каждое, а частью и вовсе не имели денег: 819 семей, или почти 29%. имели по 10-50 руб. каждая. Итак. 73% переселенцев буквально не имели средств обзавестись хозяйством на месте водворения. Эти цифры способны, однако, вызвать во многих предположение, что эта беднота, не имея средств для хозяйства на новом месте, могла бы хозяйничать на родине, и не только хозяйничать, но и улучшить свои хозяйственные приемы: ведь, кроме 20-30 рублей, оставшихся в Томске, были еще деньги, израсходованные на переезд. Да. конечно, была еще сотня рублей, быть может, полторы сотни, но эти суммы были выручены из ликвидации старого хозяйства, продажи надворных построек, части скота, орудий. Останься эти семьи дома, и ни у одной из них. по скудном удовлетворении потребностей и уплате податей, не освободилось бы и К) р. в год, чтобы купить лишнюю скотину и иметь лишнее удобрение. Но сверх 73% найдется еще немало таких, которые, по прибытии в Томск, имели больше 50 рублей, быть может, до НЮ рублей и все же не могли бы на родине отложить от насущных нужд 20-30 руб. в год. чтобы завести лучший рабочий скот или приобрести лучший мертвый инвентарь. Такие же скудные денежные средства имело и в 1890 году большинство переселенцев. Мы считаем себя вправе заключить, что 9/10 всей массы переселенцев не в состоянии способствовать успехам земле-

деля на своей родине. Среди переселенцев есть люди известного материального достатка, но не они образуют большинство. Крестьянин, которому живется сносно, вообще склонен остаться на родине. Выход из общества нескольких десятков семей изменяет к лучшему положение остающихся: на каждый двор приходится лишняя десятина земли, является возможность прокормить лишнюю голову скота и с тем вместе получить от хозяйства лишний рубль-другой, который может быть затрачен на серьезные улучшения. [...].

На родине переселенец обрабатывает свой крохотный, 2-х-десятинный надел; изба его подгнила и покосилась; он ест лишь то и столько, чтобы не умереть с голода; он - хронический недоимщик по прямым податям; косвенных налогов он не платит или почти не платит, так как почти не потребляет вина и вовсе не знает чаю, сахару, пива. Едва-едва поддерживая свое брэнное тело, он почти не покупает мануфактурных товаров и не открывает нового рынка отечественным фабрикам и заводам. Он нищ и убог, жалок и принижен. Не доедая и не допивая, он дает бытие тому мало-кровному, тщедушному поколению, которое из года в год поставляет все больший процент людей, непригодных к отбыванию воинской повинности.

Что изображает из себя переселенец на месте водворения? Кто успел устроиться в Сибири, тот, по отзыву всех наших статистиков и этнографов, изучавших быт новоселов, живет в прочной просторной избе, имеет в 3-5 раз больше скота, чем на родине, не знает лаптей, носит исключительно сапоги, не приходит из города или сельского базара без ситца или даже шерстяной ткани, без чаю и сахару. Весь жизненный обиход таких переселенцев представляет картину благосостояния, решительно неизвестного в средних губерниях Европейской России. [...]. Чтобы определить в цифрах прирост общественного дохода, связанный с переселениями, мы должны припомнить, что средняя крестьянская семья ежегодно расходует 400 рублей и из них около 150 рублей на произведения фабричной и заводской промышленности: вино, сахар, освещение, одежду, утварь, орудия [...]. Представим себе, что более благоприятные условия хозяйства на новых местах позволят каждой семье переселенца расширить покупки этих товаров на 150 рублей, а освобождение многих земельных наделов увеличит покупательную силу каждой семьи, оставшейся на родине, только 50-ю рублями; в таком случае каждая семья, устроившаяся на востоке, открывает нашим фабрикам и заводам рынок на лишних 200 рублей в год. 200 рублей выражают ежегодный прирост, который получит от каждой переселившейся семьи русское народное хозяйство. [...]

Можно без грубой ошибки вычислить долю государственного казначейства в этих 200 рублях. Вся сумма податей в государственных финансах, земских, городских и волостных, составляет не менее 750 миллионов рублей в год, т.е. более 7 р. на каждого жителя. Если согласиться с Мелголлом, что в России доход на 1 жителя составляет 55 рублей в год, то окажется, что налоги поглощают [...] 13%. Таким образом, из 200 рублей в казну поступит целых 26 рублей. В действительности же, приобретение казны выразится гораздо более крупной цифрой: 200 рублей представляют прирост в потреблении наиболее распространенных товаров - вина, сахару, чаю, ситца, железа; а так как в цене многих товаров налог достигает нескольких десятков процентов, то можно смело утверждать, что в 200 рублях, по крайней мере, 40 рублей, т.е. 20% составят долю государственного казначейства. Итак, скажем мы, каждая семья, переселившаяся на восток и устроившаяся на новом месте, дает государственному казначейству ежегодный прирост дохода на сорок рублей.